

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

№ 11 (23) НОЯБРЬ–2004 • ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОРГАН ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛИГИ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ!

Сегодня Вы держите в руках очень необычный и очень важный для всего нашего профессионального сообщества выпуск газеты. Он посвящен Омскому региональному отделению ОППЛ. В нем – букет талантливых, злободневных и просто хороших материалов, написанных нашими коллегами из Омска, членами самого первого регионального подразделения нашей Лиги. И мы гордимся тем, что именно оно стало первым отделением, которому мы можем посвятить целый выпуск нашей газеты.

Поздравляем всех вас, дорогие омичи! Так держать!

Редакция «Профессиональной психотерапевтической газеты»

Ψ ЭТО МЫ

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОППЛ

Наталья Белоусова, председатель Омского отделения ОППЛ

История

Омское отделение ППЛ было создано инициативной группой летом 1998 года, государственную регистрацию получило в июне 1999 года – первым среди региональных отделений Лиги. Отделение на данный момент насчитывает 200 членов и ведет активную образовательную и просветительскую деятельность. По ее результатам в 2002 году решением Центрального Совета ППЛ отделение было признано лучшим и награждено Дипломом Центрального Совета.

Деятельность

Омским отделением проводится образовательная программа на Европейский сертификат психотерапевта и Европейский сертификат консультанта. Длительные образовательные программы ведут психотерапевты Европейской регистрации д.м.н. Р. Д. Тукаев (Москва), В. Н. Ядринкин (Красноярск), сертифицированный консультант к.п.н. Т. Е. Шапошникова (Новосибирск), к.м.н. В. А. Кубасов (Новокузнецк).

Личную терапию – индивидуальную и групповую – проводит по собственной методике «Метафора яйца» психотерапевт Европейской регистрации Л.А. Сазонова (Омск).

В прошлом году начала работать балинтовская группа.

С большим интересом и благодарностью омские специалисты принимали участие в тренингах иностранных преподавателей – Элизабет Викоколь, Герды Мехты и Регины Хилберт из Австрии, Ханса Кренца из Нидерландов.

При отделении создан и работает Комитет по поддержке частной практики. С нами сотрудничают эксперт по тоталитарным культам и специалист связям с общественностью. Осуществляются долгосрочные проекты в газетах и журналах, на телевидении.

Лица

В 2000 году Отделение выдвинуло старейшего нарколога города В. П. Гиндина для награждения Европейским сертификатом

психотерапевта по программе признанных профессионалов и на II съезде ППЛ в Москве Президент Всемирного Совета по психотерапии Альфред Притц вручил Валерию Петровичу Европейский Сертификат. В издательстве ОППЛ вышла книга В. П. Гиндина «Светлый сон аббата Фариа», в которой Валерий Петрович обобщил свой сорокалетний врачебный опыт. Сейчас В. П. Гиндин готовит к изданию две новые книги. В 2002 году Европейской ассоциацией психотерапии принято решение вручить Европейский сертификат психотерапевта одному из основателей омской психотерапии известному врачу-психотерапевту Аркадию Григорьевичу Могилевскому. В 2003 году на IV съезде ППЛ Европейский сертификат психотерапевта был вручен врачу-психиатру, психотерапевту Лидии Александровне Сазоновой.

Психологи Н. Г. Белоусова и И. В. Пирогова сертифицированы Лигой как консультанты и пять специалистов имеют аккредитацию в Лиге в качестве консультантов. Это Н. М. Котляр, А. Л. Куршаков, С. Ф. Клименко, А. Ф. Филатова и Ю. В. Хныкин.

Декадниги

Начиная с 2001 года Отделение совместно с Центральным Советом ППЛ проводит в Омске декадниги по психотерапии, психологическому консультированию и наркологии. Декадниги проходят с большим успехом и получают широкий общественный резонанс. За успешное проведение Декадников отделение награждено грамотой и дипломами Центрального Совета ППЛ.

В этом номере газеты представлены статьи по темам лекций, семинаров и событий Четвертого Омского Декадника, признанного лучшим Декадником 2003 года.

Пятый Омский Декадник, который состоится с 30 октября по 6 ноября – это семьдесят пять разнообразных событий – тренингов, семинаров, марафонов, лекций и вечеров отдыха. Полную программу Декадника Вы можете посмотреть на сайте www.omsk-ppl.narod.ru. Приглашаем в Омск! Ждем!

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СТИМУЛ УЧАСТИЯ В ТРЕНИНГАХ ДЛЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Ирина Пирогова,
член ИПЛ, консультант национальной регистрации,
Директор Института профессионального развития г. Омск

На протяжении многих лет я провожу семинары, тренинги и индивидуальное консультирование с лидерами. Это руководители организаций самых разных отраслей производства и услуг, в основном владельцы предприятий.

Выявились основные проблемы этих людей, они у всех одни и те же: конфликты в команде; отсутствие выверенной мысли, приоритетных жизненных ценностей, неспособность видеть перспективу; неумение делегировать полномочия; незнание основ обучения персонала; неумение мотивировать членов команды; неспособность справиться со своими внутренними проблемами и стрессами; неумение грамотно проводить совещания; неумение профессионально решать кадровые вопросы; недостаточные навыки коммуникативности.

Еще недавно руководители неохотно шли на тренинги личностного роста, но в последние год-полтора они делают это все охотнее. Почему?

С одной стороны, наблюдая тенденцию во всем мире, встречаясь со своими передовыми коллегами, которые «уже побывали на тренингах».

Думаю, что определенную положительную роль сыграла и организационная работа, направленная на мотивацию клиентов – партнеров Института профессионального развития.

В своих выступлениях (на местном ТВ в программе для деловых людей «Деньги», в еженедельных публикациях – консультациях журнала «Бизнес-курс», на заседаниях Союза предпринимателей Омской области) я настойчиво рассказываю об очень приятной новости: эмоциональный интеллект, который определяет успех лидера на 80 процентов, можно развивать на протяжении всей жизни.

Как правило, расширенная информация на эту тему, примеры из повседневной жизни самих деловых людей, анализ конкретных ситуаций рождает энтузиазм и интерес к занятиям, переносит акцент с

традиционных технических и маркетинговых тем для руководства на эмоциональную сферу.

Что же привлекает наших партнеров больше всего? На мой взгляд, число «80 процентов». Информация о такой большой зависимости успеха от чисто человеческих проявлений и обескураживает, и завораживает. И еще то, что составляющие эмоционального интеллекта – самосознание, самоконтроль, мотивация, умение ставить себя на место другого человека и навыки работы с людьми – можно развивать и улучшать в течение всей жизни. Для взрослого управленца этот факт становится сильным стимулом для самосовершенствования.

Далее приходит понимание того, что повысить уровень своего эмоционального интеллекта невозможно при помощи традиционных программ обучения, направленных на ту часть мозга, которая руководит нашими рациональными действиями.

Эмоциональный интеллект оказывается важнейшим качеством эффективного руководителя: если человек обладает даже очень высоким коэффициентом интеллекта, но его эмоциональный интеллект минимальный, вряд ли он сможет быть успешным.

Работа руководителя – это общение с сотрудниками, клиентами, партнерами. Это и совещания, деловые встречи, переговоры, публичные выступления. Это и способность сплотить команду, мотивировать сотрудников на достижение успехов, убедить клиента или партнера.

Оказывается, что все перечисленное и есть основная деятельность руководителя-лидера.

И многие наши слушатели, столкнувшись на практике с проблемами, перечисленными в начале статьи, охотно и целенаправленно занимаются своей эмоциональной сферой и становятся все более успешными.

МЕТАФОРА ЯЙЦА

Сазонова Л. А. – психотерапевт Европейского Регистра, врач-психиатр
высшей категории, г. Омск.

*Ab ovo – от яйца, т. е. с самого начала.
Omne vivum ex ovo – всё живое из яйца.*

Гарвей

Форма яйца является началом, первоформой всего живого, в том числе и человеческой жизни, открывает путь в подсознание, к истокам как негативного, так и позитивного опыта, дает возможность выйти на травматические стрессовые события, в пренатальный период, для работы по стиранию и переформированию негативных сценариев жизни.

Берется сырое куриное яйцо, промывается скорлупа, и иголкой или острием ножа продельваются два небольших отверстия по вертикальному размеру яйца, чтобы можно было, выдувая, освободить скорлупу от содержимого, после чего приступаем к рисунку. Рисунок можно делать карандашами, фломастерами, красками, тушью, гуашью или любыми другими красителями. Например, женщины любят делать рисунок губной помадой, лаком для ногтей или другими косметическими средствами.

• предлагается сделать на скорлупе яйца рисунок психологической проблемы.

• либо изобразить свое лицо.

• либо изобразить то, что приходит в голову спонтанно.

В процессе рисования следует прислушиваться к себе и доверять своим чувствам, ощущениям, интуиции. На психотерапевтическом сеансе проводится анализ рисунка.

«Метафора яйца» может применяться на любом этапе психотерапевтического процесса, в ходе групповых или индивидуальных сеансов. Обычно

провожу открытые психотерапевтические группы, в которых есть пациенты, находящиеся в начале, в середине, в завершении лечебного процесса. Пациенту предлагается рассказать о ходе творческого процесса:

- как шла подготовка к работе (почему было выбрано именно это яйцо; самостоятельно делался выбор или с помощью кого-либо из членов семьи).

- как выдувалось содержимое яйца (с первого раза удалось получить цельную полую скорлупу, или яйца не слушались, разбивались, не выдувались и т. п.)

- как шел процесс осознания того, что будет изображено. (У одних пациентов все получается легко и быстро, другим приходится долго выбирать какой-либо из трёх вариантов, советуясь с членами семьи. Есть пациенты, которые мучительно ищут сюжет рисунка, не знают, как изобразить, просят родственников выполнить задание за них).

В случае наличия проблем в ходе вышеописанной работы для побуждения осознания трудностей можно задавать следующие вопросы:

- что мешало сразу сделать выбор?

- всегда ли вы пользуетесь помощью родственников в решении своих проблем?

Надо обратить внимание пациента на чувства, возникавшие в ходе творческого процесса, ассоциации на том или ином этапе процесса (их желательно записывать).

Если у пациента в ходе рисования проблемы или обсуждения ее результатов возникают неприятные ощущения или боли, важно уточнить в какой части тела, проследить динамику – усилились, ослабели, прошли. При выходе на психосоматику желательно проработать физические и эмоциональные ощущения, ассоциировать их, найти более ранний эпизод негативных переживаний и далее поработать с ним на стирание или переформирование.

После окончания этого этапа выясняется, произошло ли осознание, понимание, другое или новое видение проблемы или происходящего с пациентом. Уточняется, нужна ли помощь психотерапевтической группы или отдельных её членов. При согласии членам психотерапевтической группы по кругу или выборочно предлагается отреагировать свои ощущения, переживания, ассоциации. Яйцо с изображением передается тому участнику психотерапевтического действия, от которого пациент хочет получить обратную связь.

Основное правило обсуждения: доброжелательность, стремление найти ресурсы, высказывание о негативных переживаниях от своего имени.

На этом этапе высказывания участников группового сеанса дают пациенту возможность расширить своё чувствование, ощущение, осознание, что позволяет увидеть своё творчество через других людей и порой, попав в резонанс, сделать неожиданные открытия, получить инсайт. Использование рисунка проблемы творчески гармонизирует личность и открывает ресурсные состояния.

Часто пациенты готовят свои творческие работы к какому-либо празднику: Новому году, Пасхе, Рождеству, дню Рождения, праздникам прилёта и отлёта птиц и др.

При подготовке к Новому году объясняя пациентам, что смысл изготовления ёлочной игрушки, как психотерапевтического действия, заключается в том, чтобы:

- отразить свои желания и ожидания, выразив их через образы сказочных персонажей, известных или написанных самими пациентами сказок.
- создать сказочный новогодний образ, который отражал бы внутренний мир пациента.
- создать образ-маску, в которой бы хотелось прийти на Новогодний костюмированный бал.

Процесс ведения психотерапевтической группы зависит от того, сколько елочных игрушек из яичной скорлупы принесут пациенты на занятие.

Если принесена одна елочная игрушка, сделанная из яичной скорлупы, то может идти обсуждение, в ходе которого пациент рассказывает, как проходил творческий процесс создания новогоднего образа. При этом можно задавать вопросы, касающиеся детских переживаний:

- совпадает ли созданный образ с любимым или не любимым персонажем выбранной сказки?
- созданный образ это:
 - тот образ, к которому вы стремились в детстве?
 - образ, который вы осуждали?
 - полностью ваша фантазия?

Возможен выход на жизненный сценарий пациента и проработка его в технике транзактного анализа, гештальта, символдрамы и др.

Если на занятие принесено несколько изготовленных из яичной скорлупы новогодних игрушек, то возможна работа по созданию сценария с этими персонажами по типу кукольного спектакля. Одна часть пациентов является актерами – кукловодами, а другая – зрителями. После спектакля пациенты высказываются о своих ощущениях, эмоциях. При этом может быть вскрыт детский период, когда очень хотелось, например, иметь новогоднюю елку с игрушками, а дома этого не делалось. При этом пациент реагирует и проживает свои детские негативные эмоции, и осуществляет свое желание «здесь и сейчас», испытывая положительные эмоции.

Интересный опыт можно получить, если развешивать игрушки из яичной скорлупы начиная с нижних веток елки, поднимаясь выше, как по лестнице, наполняя глубинным смыслом это магическое действие. Внизу те игрушки, через образы которых выражаются переживания страданий, трудностей, препятствий, незнаний, непониманий. Обычно это отражается на первой изготовленной игрушке. Выше вывешивается игрушка, на которой хранится ваше нереализованное желание, ещё выше то, что символически выражает для вас успех, ваши самые заветные мечты и планы

У многих пациентов в творческий процесс включаются дети, все члены семьи. Ёлки становятся «парадными лестницами» к успеху для всей семьи.

Скорлупа яйца – хрупкая структура и, начиная расписывать её поверхность неопытной или огрубевшей рукой, трудно с первого раза не повредить её целостность. Если скорлупа ломается, эта хрупкость становится очевидной, осязаемой и, следовательно, осознается. Следующий опыт идет уже на другом уровне контакта. Рука постепенно научается или восстанавливает утраченную по той или иной причине тонкость движений.

Ведь не случайно в практике Восточных единоборств существует такой способ обучения чувствовать легкость руки – кладется яйцо на ладонь воина, и он должен удерживать её достаточно продолжительное время, не повредив. При этом обретается общая гибкость и легкость движений.

При подготовке к празднику Пасхи пациенты расписывают пасхальные яйца (писанки).

Поскольку в психотерапевтическом процессе, как индивидуальном, так и групповом, центральное место отводится пониманию, то, по мере возникновения тех или иных вопросов, рассказываю пациентам о теоретических основах этого процесса.

В частности использую герменевтические подходы и принципы (Г. Г. Гадамер «Актуальность прекрасного» М.: Искусство 1991).

Герменевтический принцип, используемый мной для понимания и осознания в методике «Метафора яйца», подразумевает открытый диалог всего со всем. Инакомыслие здесь не только не является препятствием, оно, скорее, оказывается благоприятной предпосылкой для появления понимания. Гадамер имеет дело с пониманием как с процессом, непрекращающимся в своем движении, с поиском, а не с конечным результатом. Можно образно сказать так: то понимание, которое «вылупляется» из яйца проблемы, есть процесс осознания своей цели и смысла, непрекращающийся в своем движении, а не конечный результат. Катализаторами этого процесса являются любовь и смысл психотерапевтического действия.

Используя гармоничную форму, на которой пациенты делают изображение, они уже спонтанно, работая с идеальной формой, перенося на неё свою проблему, изображая на ней своё лицо или то, что приходит в голову, «входят в гармонию», восстанавливают утраченное единство на всех уровнях. И если, глядя на изображение на поверхности яйца, мы осознаем нечто, что раньше ускользало и с удивлением возвращаем это знание себе, происходит понимание недостающего для обретения единства смысла. А, следовательно, появляется то чувство, которое есть проявление единства и целостности – чувство любви. Любви, проникнутой смыслом и одухотворенным созвучием с собой, родными и близкими людьми, природой, всем живым, Творцом, который наделил нас возможностью понимать и испытывать это прекрасное чувство.

После того, как получен первый результат в работе с «Метафорой яйца», появляется желание интерпретировать шедевры других пациентов, а затем повторить этот опыт ещё и ещё раз. Появляется интерес к настоящим произведениям искусства – пациенты ищут репродукции с изображением пасхальных яиц известных художников, например, Фаберже. Открывается мир шедевров, несущих в себе целостность через время и признанный талант. К ним теперь прикасаются взгляд, мысль, душа. Цепочка от исследования себя, в своем первичном опыте продолжается, обогащаясь опытом других, и возвращается к пациентам для продолжения на другом, более высоком уровне

Интересен тот факт, что когда пациент изображает на поверхности цельной яичной скорлупы свои самые драматичные переживания, яичная скорлупа словно не выдерживает. И такие работы вскоре разваливаются, словно не выдержав. Работы, содержащие сюжеты радости, света, любви, преодоления, веселья, праздника хранятся долго, радуя окружающих. Сама яичная скорлупа показывает её авторам меру жизни горя и страдания, боли и печали и хранит радость осознания, понимания, преодоления в светлых и радостных сюжетах.

Форма яйца дает возможность психологической регрессии, за счёт подсознательного активирования перинатальных матриц (по С. Грофу) и обнаружения и стирания ранних травматических программ. В результате обретается гармония.

Ритм в исцелении задает идеальная форма яйца, того яйца, которое в обыденной жизни является просто пищей и съедается. Фрейд на вопрос, что означает сигара, которую он так часто курит, ответил: «сигара может быть символом, а может быть просто сигарой». Перефразировав, можно сказать: «яйцо может быть метафорическим, а может быть просто яйцом».

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Филатова А.Ф., к.п.н., доцент ОмГПУ

Специфика современной семьи в России (хотя семьи у нас очень неоднородные) определяется, по меньшей мере, четырьмя особенностями.

1. Современная семья – это союз, основанный на любви, эмоциональном принятии и на поддержке. Это не означает, что так не было раньше, но сейчас это стало основным критерием. Современную девушку вряд ли удастся выдать замуж или сосватать без ее воли.

2. Переход от расширенной семьи к нуклеарной (родители и дети). Такая ситуация – результат реализации потребностей в свободе и самостоятельности молодых людей. Но раздельное проживание молодых семей снижает или делает невозможным участие бабушек и дедушек в воспитании внуков. Вместе с тем, на фоне доминирования нуклеарного типа семьи у нас нередко встречаются и «территориально расширенные» семьи. Как правило, у молодых супругов еще нет своей жилплощади, они еще не приобрели полной финансовой самостоятельности, проживают в одной квартире с родителями и в значительной мере полагаются на их помощь.

3. Современная семейная система является достаточно открытой – сегодня легко вступить в брак и также легко развестись. Правовые, этические, религиозные и социально-психологические барьеры как для создания, так и для расторжения брака сведены к минимуму.

4. В современной семье особую роль играет родительство. Принципиально новая, гуманистическая позиция – это отношение к ребенку как к личности, заслуживающей уважения и права на свободный выбор. Сегодня особое значение в родителско-детских отношениях занимают эмоциональная и духовная близость, эмпатия.

Следует особо отметить феномен отцовства. Для современного отца характерно более раннее включение в воспитание – в младенчестве или даже в пренатальном развитии («школы отцов», роды вместе и т. д.). Отцовская любовь теперь приравнивается к любви материнской. «Отец 21 века» чаще берет на руки ребенка, больше гуляет с ним, общается, причем с удовольствием, таким образом, мы видим безусловно принимающую любовь отца. Также важны ответственность и пластичность современных отцов, готовность к перераспределению ролей в семье.

Кроме вышеперечисленных особенностей можно обозначить такие тенденции развития современной семьи.

1. Падение рождаемости, уменьшение числа детей в семье. А рост однодетных семей означает обеднение эмоциональной сферы и социально-коммуникативных связей ребенка.

2. Появление так называемых «двухкарьерных» семей, где оба супруга ставят перед собой задачи профессиональной карьеры, роста и самореализации. В двухкарьерных семьях особое значение приобретает вопрос о распределении ролей и власти в семье, вопрос о лидерстве, взаимозаменяемости в распределении семейных ролей, общности семейных и личностных ценностей, а также наличии ресурсов для поддержки семьи в вопросах воспитания детей и помощи в хозяйственно-бытовой сфере.

3. Поляризация возраста вступления в брак – либо очень рано (16–17 лет), либо после 30 лет. В случае увеличения брачного возраста молодые люди, как правило, осознанно не торопятся создавать семью до более или менее сложившейся профессиональной и финансово-экономической

основы. В результате часто получается, что они остаются в одиночестве навсегда, особенно женщины. Мужчин меньше (97 мужчин на 100 женщин), на всех женщин их не хватит, тем более – достойных.

4. Все более часты случаи (хотя «неравные браки» были распространены и ранее) увеличения возрастной разницы между супругами до 15–20 лет, причем в том числе и в сторону – жена старше.

5. Проблема вдовства. Решается, если жена – старше. В основном же, женщины переживают своего супруга. Средняя продолжительность жизни мужчины более чем на 10 лет меньше, чем женщины.

6. Большое количество разводов. Примерно 1/3 всех семей пережили развод. А по стрессогенности развод занимает второе место после смерти близкого человека. Полная психологическая реабилитация личности и преодоление негативных эмоциональных последствий развода констатируются лишь спустя 1–3 года после развода.

7. Возрастание количества повторных браков – люди все же ищут свою половину. Отсюда – проблема неродных детей.

8. Рост количества детей-подкидышей, беспризорных детей, отказ от детей в роддомах. Рост детдомов, интернатов и пр.

9. Рост семейно-бытовых «криминальных» ситуаций, преступлений. Обычно – на почве пьянства.

10. Увеличение числа бездетных семей. «Отсрочки» часто обусловлены трудностями в молодости – финансово-экономическими, жилищными, а также задачами завершения образования или осуществления карьеры. Однако, в конечном счете супруги в таких семьях приходят к осознанию недостаточной самореализованности и глубокому личностному кризису. Следует также отметить увеличение количества женщин (а в последнее время и мужчин), не имеющих возможности иметь детей в силу медицинских причин.

11. «Заграничные» браки распространяются все больше. Однако часто уехавшие за семейным счастьем за рубеж, не находят его и там, ввиду личностных особенностей, а также непривычного менталитета «заграницы». К тому же неизбежны ностальгия по родине, отрыв от друзей, родственников, родной природы, культуры и т. д.

12. «Экзотические» семьи (однополые браки, свингерство и пр.) – пока еще в России явление редкое, но уже существующее.

13. Возрастание числа лиц, которые предпочитают альтернативные формы брака: а) одиночество; б) «гражданские» браки; в) материнские семьи – как осознанное решение женщины. «Мать и дитя» – сейчас обычное явление. И даже нескольких детей некоторые современные женщины вырастить могут и без мужа.

Таким образом, учитывая большое число разводов, рост числа лиц зрелого возраста, не вступающих в брак, появление других форм отношений – все это дает основание сторонникам теории крушения семьи строить мрачные прогнозы о вырождении семьи как социального института.

Однако, за последние годы наметился явный, безусловно положительный сдвиг в пользу выбора семьи как оптимальной формы партнерского союза с целью обеспечения необходимых условий для личностного роста и саморазвития.

Ценность семьи возрастает и рейтинг семьи растет.

Ψ ХРОНИКА

Держись, Венская опера!

Традиционный Декадник имел нетрадиционное начало. Идея дать бал на открытие предоставила возможность по-новому взглянуть на участников Декадника. Бальные платья и строгие костюмы преобразили господ психотерапевтов. Очаровательные женщины и безупречные мужчины улыбались и танцевали под музыку симфонического оркестра. И можно было ощутить, как вечные мелодии наполняют непривычные сначала движения красотой и грацией. Ведущие бала – молодые артисты Драмматра были приятно удивлены. По их словам, они представляли психологов и психотерапевтов несколько

чопорными, строгими, замкнувшимися в отстраненной недоступности своих знаний. А оказалось – это милые, приятные люди. Искренность и профессионализм ведущих, музыка симфонического оркестра, романсы в прекрасном исполнении психотерапевтов Ирины Дворкиной и Валерия Гиндина, певицы Ирины Соловьевой, танцевальные номера, конкурсы создали атмосферу блестящего светского праздника, да еще и наполненного сердечностью и теплотой. Мнение участников единодушно: бал удался! Держись, Венская опера!

Т. В. Злобина, психолог, член правления Омского отделения ППП

ПРИКЛАДНАЯ КИНЕЗИОЛОГИЯ КАК ВАРИАНТ «ПОДРАЗУМЕВАЕМОЙ ДИРЕКТИВЫ» В ЭРИКСОНОВСКОМ ГИПНОЗЕ

Н. И. Кошелев, врач-психотерапевт, Мастер-практик НЛП

Идея более широкого использования произвольного мышечного ответа в гипнозе появилась после систематизации работы по методу прикладной кинезиологии.

На мой взгляд это дает перспективу использования идеодинамического эффекта в гипнозе в более широком применении. Прикладная кинезиология может быть использована как мощный инструмент косвенных внушений в мультимодальной психотерапии (в качестве элемента подразумеваемой директивы) не только для решения психологических, но и при терапии психосоматических проблем.

В основу клинического мышечного тестирования, как мы знаем, положены работы Гудхарта, которые он начал в 60-е годы; где он развил теорию адаптации мышцы к увеличению физической нагрузки во вторую стадию тонического напряжения.

Особенности 2 стадии тонического напряжения в том, что она полностью зависит от взаимодействия нервно-мышечного и нейродинамических механизмов регуляции. Если перевести на «общепринятый язык», то можно сказать, что эта стадия находится вне контроля сознания.

Обратимся к истории существования мышечных движений (находящихся вне контроля сознания), называемые «идеодинамическим феноменом» – в литературе по истории гипнотических техник. Впервые этот феномен ввел доктор Бернгейм в 19 веке, положив в основу идею о том, что мысль (идея) стремится к реализации (динамике). Он вложил в это понимание проявление не только произвольности движений, но и ощущений (мысль о лимоне усиливает слюноотечение и т. д. и т. п.).

Идеомоторный процесс – это естественное явление, осуществляемое в большинстве наших действий, когда мы бодрствуем: произвольное покачивание головой в момент беседы (когда мы соглашаемся или не принимаем), улыбка, рукопожатие и т. д. Одним словом, это не мышечные движения, которые происходят автоматически, без контроля сознания. Это не привычные мышечные движения, которые вызываются нейродинамическими процессами головного мозга в ответ на стимулы внешней среды. Этот выбор варианта мышечного ответа происходит на информационном уровне и зависит от поступающей зрительной информации, звуковой информации, кинестетической информации.

Левитация руки (в эриксоновском гипнозе) – очень наглядный пример, когда у пациента рука на продолжительное время зависает в воздухе без участия сознательных усилий. Это пример взаимодействия нейродинамических процессов головного мозга и нервно-мышечного механизма сокращения мышц руки, когда работает только воображение клиента без физического воздействия терапевта; в отличие от прикладной кинезиологии, где терапевт активно воздействует на сильную мышцу пациента для выявления изменения мышечного тонуса во второй фазе мышечного сокращения.

Мы знаем, что трансное состояние способно усилить воздействие подсознательных процессов на состояние мышечного тонуса. Очень важно отметить, что этот феномен может возникнуть в ответ только на определенный информационный стимул (так называемые вербальные и специальные невербальные приемы, или, говоря языком эриксоновского гипноза, «гипнотические шаблоны трансовых техник»), и между стимулом и ответом должно пройти определенное время, тогда как в прикладной кинезиологии время определяется одним дыхательным циклом вдох/выдох.

Доктор Росси, описывая процесс воспоминаний в транссе, разбивает этот идеодинамический феномен на 3 подсознательных процесса:

1) обдумывание (накопление информации),

2) прочувствование (фокус внимания смещается на анализ предъявленных стимулов и именно в этот момент клиент погружается в измененное состояние сознания, именуемое трансом, или усиливается глубина транса; что часто наблюдается у клиентов в момент мышечного тестирования и об этом можно судить по косвенным признакам транса),

3) делание (в мышечном тестировании я предполагаю, что это подсознательный мышечный ответ).

В прикладной кинезиологии этот процесс «воспоминания информации» соотносится с предъявлением нозодов как носителей информации, и здесь, на мой взгляд, могут также присутствовать эти 3 стадии, но в связи с активным воздействием терапевта, они могут выявляться в более сжатые по времени параметры (но это пока рабочее предположение, как и то, что данный процесс обработки информации можно описать моделью ТОТЕ). Можно также предположить, что мышечный ответ в эриксоновском гипнозе рождается также быстро, но ему нужно пройти через «фильтры» сознательных установок, на что уходит определенное время. В то время как в варианте мышечного тестирования это происходит без учета данного фактора. Важно, чтобы прикладные кинезиологи знали, что наше бессознательное обладает таким параметром как «инертность», что не упоминается в литературе по прикладной кинезиологии. И если вы, практикуя прикладную кинезиологию, компетентны в этом, то можете спокойно объяснить пациенту, что должно пройти какое-то время, чтобы получить результат; оставляя у пациента его ответственность за мотивацию на выздоровление, таким образом сохраняя высокий статус данного метода.

В связи с утверждением доктора Росси о том, что в момент проведения сеанса с использованием подразумеваемой директивы происходит синтез новых протеиновых структур, которые могут функционировать как биологическая база нового поведения и эмоциональных реакций, возникает вопрос о возможности синтеза новых протеиновых структур в момент мышечного тестирования, когда пациент испытывает эмоциональный «шок» при первичном контакте с данным методом (доктор Росси отмечает важность данного момента). Есть надежда, что при подтверждении данного аспекта, можно выработать метод работы прикладного кинезиолога с использованием знаний эриксоновского гипноза, чтобы повысить эмоциональную значимость метода у тех пациентов, которые уже «привыкли» к прикладной кинезиологии.

Следующее предположение о том, что мозг (гипоталамус) хранит всю информацию о состоянии организма (исходя из опыта практики прикладной кинезиологии), может помочь нам в утверждении о том, что головной мозг способен отвечать только лишь на предъявляемые информационные стимулы, которые являются актуальными, без явной реакции на второстепенные (на данный момент) стимулы – иначе бы сознательное мышление человека было бы просто-напросто парализовано. Таким образом, предъявляя гомеопатический «нозод» для тестирования, мы просто делаем актуальной именно ту информацию, которая нам нужна для тестирования, хотя мозг может в этот момент располагать по сути «необъятным объемом информации». Это в значительной степени объясняет важность четких и однозначных формулировок феномена подразумеваемой директивы в эриксоновском гипнозе (по принципу «каков вопрос – таков ответ»). Задача терапевта и в том и в другом методе – создать условия для актуальности заявленной информации.

Я повторюсь, что одним из первых идеодинамических феноменов был описан доктором Бернгеймом в конце 19 века, и изложен в труде «О внушении в гипнотическом и в бордствующем состоянии», где была обобщена работа Нансийской гипнотической школы.

Доведение до совершенства М. Эриксоном использования произвольного мышечного ответа в работе с клиентом позволило открыть новую страницу в понимании взаимодействия сознательных и бессознательных процессов, одним из внешних признаков которого является произвольный мышечный ответ. Понимание метода клинического мышечного тестирования с этих позиций, на мой взгляд, способно расширить границы применения подразумеваемой директивы в эриксоновском гипнозе, и способно ввести элемент иного подхода в трактовке результатом клинического мышечного тестирования, если рассматривать их с позиции

эриксоновского гипноза – что, вполне возможно, внесет дополнительные изменения в условия процедуры мышечного тестирования.

Следующий любопытный момент общего принципа в подходе обоих методов – это то, что процесс анализа проблемы и подбор терапии, да и сама терапия может находиться полностью под контролем пациента. Это может в значительной степени усилить доверие к лечению и повысить эффективность терапии.

Обратимся к статье М. Эриксона «Груз ответственности при эффективной психотерапии» (М. «Amer. j. Clinic. hypn.» 1964 р. 269–271). В этой статье автор описывает случай, когда переносит груз ответственности за терапевтический эффект на самого пациента, после того, как пациент сам пришел к выводу, что предыдущее лечение ему не помогло, и что последним средством является «чудо» данного метода. В этом понимании автором своего метода, если пациент хочет верить в «гипнотическое чудо», то он принимает ответственность за излечение, за счет собственного активного поведения и продолжить это излечение он может под той маской, которую он сам выбирает, но автор берет на себя ответственность утверждать, что успех лечения объясняется чудом данного метода. Данный подход в лечении используется М. Эриксоном как единственная техника, с помощью которой можно закрепить сотрудничество между терапевтом и пациентом, т. е. тем, что пациент получает именно то лечение, которое на его взгляд ему нужно, полностью сохраняя свой контроль над этим процессом, что дает успешное восприятие лечения самим пациентом.

Внедрение данного психологического подхода в прикладную кинезиологию (мышечное тестирование) помогло бы иначе отслеживать психологическую реакцию пациента и гармонично вплести ее в общий механизм лечения.

Основываясь на определенной общности в использовании мышечного ответа в методе клинического мышечного тестирования (прикладной кинезиологии) и подразумеваемой директивы в эриксоновском гипнозе, можно предположить, что в данных методах используется общий энергоинформационный подход взаимодействия нейродинамических процессов

головного мозга (в ответ на предъявленный стимул) и нервно-мышечного процесса изменения мышечного тонуса (тонической фазы сокращения), что дает перспективу развития данных методов через определенный синтез в их использовании. Данные методы имеют свои достоинства, которые могут обогатить друг друга.

В частности, учитывая специфику функционирования бессознательных процессов, с которыми терапевт имеет дело и в том и в другом случае, хотелось бы, чтобы терапевт, практикующий метод клинического мышечного тестирования, учитывал, что при данных условиях диагностики могут появляться определенные специфические характеристики взаимодействия (коммуникации):

- 1) многоуровневость общения (сознательный и подсознательный)
- 2) обостренное восприятие речевых паттернов (непонимание отрицательного, буквализм и т. д.)
- 3) терапевту необходимо иметь высокий уровень компетентности в прогнозе лечебного эффекта, чтобы эта уверенность передавалась пациенту
- 4) ожидание эффекта: терапевт должен перенести ответственность за излечение на желание и возможности пациента и т. д.

Резюме: Находя общие моменты данных методов, очень хотелось бы обратить внимание на то, что между ними существует и различие. Но эти различия не носят характера принципиальных, а только обусловлены многообразием проявлений бессознательных процессов. Более детальный анализ работы метода прикладной кинезиологии способен дать богатый материал для анализа перспективы развития практического применения «подразумеваемой директивы» в эриксоновском гипнозе.

P.S.: Обращаясь к терминам «подсознание» и «нейродинамические процессы», хотелось бы напомнить, что до сих пор не существует четкого понимания и четкого определения термина «бессознательное» и «нейродинамические процессы». Последний термин описал в своих трудах о «функциональных системах» П. К. Анохин, где он приводит данные о «нейродинамических процессах», как явлениях, неподконтрольных сознанию, происходящих постоянно в организме человека.

Ψ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

От редакции.

В этом специальном, омском выпуске нашей газеты мы начинаем публикацию глав из книги виднейшего омского нарколога, психиатра, психотерапевта В. П. Гиндина «Не дай мне Бог сойти с ума». Книга эта – о тех, кого знаем с детства. О тех, «мимо кого проходили» в школе, штудируя заданные параграфы учебников и отрывки произведений из хрестоматий. А за скупыми строчками биографических данных школьных учебников о каждом из них – целая человеческая жизнь. И жизнь незаурядная, яркая, со счастьем и борьбой, здоровьем и болезнями, любовью и ненавистью. Но редко авторы учебников и школьные учителя вдаются в такие подробности, а ученики достаточно зрелы, для того, чтобы им внимать. И вот теперь нам представляется возможность взглянуть на жизнь и творчество этих людей под иным углом. Взглянуть глазами психиатра. С точки зрения психиатрии. Думается, что такой взгляд обогатит представление читателей нашей газеты о возможностях клинического мышления и, может быть, позволит открыть для себя новые грани в творчестве известных людей. Они уже сделали все, что могли, – для себя и для нас. А мы можем их вспомнить, вдохновиться их примерами, согласиться в чем-то или не согласиться. Принять или не принять точку зрения автора.

И. А. Чеглова, редактор ППГ

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!
Беранже

Предисловие автора

Читатель, ознакомившись с тематикой этих публикаций, может прийти в изумление и негодование: «Зачем автору понадобилось ворошить души давно умерших гениев, зачем вытаскивать на всеобщее обозрение потаенные стороны их жизни, зачем открыто обсуждать то, что подлежит компетенции врачей-психиатров?» И даже если природа «наградил» Лермонтова ядовито-желчным характером, а Достоевского – припадками и перверсиями, Гоголя – психической болезнью и т. д., то от этого они менее любимыми для нас, читателей, не станут.

Как бриллиант ни поворачивай к свету, часть граней будет молчать, оставаясь немими, но от этого бриллиант не перестанет быть таковым.

В психиатрической литературе достаточно полно проведен патографический анализ жизни и творчества Достоевского и Гоголя. Ему посвятили свои работы Ломброзо, Кречмер, в дореволюционный период профессор Чиж, позднее профессора Мелехов, Личко.

Психоаналитическую картину личности Чехова дал профессор М. Е. Бурно.

Что такое патография?

В «Толковом словаре психиатрических терминов» патография определяется как «изучение творчества писателей, поэтов, художников, мыслителей с целью оценки личности автора, как психически больного». Профессор М.Е. Бурно – основоположник «психотерапии творческим самовыражением», – считает, что «патография есть область клинической психотерапии, исследующая процесс лечения незаурядным творчеством, то есть изучающая лечебное творчество одаренных людей, творчество, сообразное душевным, духовным особенностям творца».

В 1925–30 гг. прошлого века под редакцией Г. В. Сегалина издавался «Клинический архив гениальности и одаренности», в котором патографи-

ческому анализу были подвергнуты Пушкин, Толстой, Тургенев, Горький, Короленко, а также некоторые иностранные авторы.

Г. В. Сегалин обозначил эти патографические изыскания термином эвропатология (от греч. – еуро – «зврика» нахождение, находка). «Назвав наш архив как архив «эвропатологии», – пишет Г. В. Сегалин, – «мы этим подчеркиваем специфический характер этой патологии и считаем, что эта отрасль психопатологии имеет право на существование и развитие, точно так же, как, скажем, судебная психиатрия, школьная, дефективная психопатология и проч.»

С 30-х годов прошлого века эти работы не переиздавались.

Вообще какие бы то ни было отклонения в психике русских литераторов умалчивались. Не переиздавались работы профессора-психиатра В. Чижа о Гоголе, Достоевском, Тургеневе, Пушкине, под запретом была работа профессора Д.Е. Мелехова о Гоголе. «Национальная гордость великороссов» не могла быть ущербной. Так гласила коммунистическая идеология. Всякие, даже ничтожные попытки рассказать о великих нелицеприятную правду, пресекались грозным окриком цензора: «Не смей трогать грязными руками святую память об имярек...»

И вот теперь, когда гласность достигла вселенских масштабов, когда можешь говорить и писать, что хочешь, я взял на себя смелость провести патографические исследования жизни и творчества Радищева, Чаадаева, Тургенева, Лермонтова, Маяковского...

Что касается Достоевского, Гоголя, Гаршина, то здесь диагноз психического заболевания не вызывает сомнений, остается только решить вопрос в рамках какой нозологии их рассматривать.

Психиатры спорят о форме эпилепсии Достоевского и были ли судорожные пароксизмы у него проявлением эпилепсии. Некоторые утверждают, что никакой эпилепсии у Достоевского не было вообще. В отношении болезни Гоголя также существуют различные суждения, одни говорят, что Гоголь был болен шизофренией, другие относят его болезнь к циклофрении, третьи называют инволюционный психоз.

У Гаршина тоже диагноз варьирует от циркулярного до шизоаффективного психоза.

При анализе психопатологической картины, имевшей место у названных писателей я, ни в коей мере, не пытался найти истину, я только сопоставил различные мнения, а вывод пусть делает сам читатель.

Очень трудная задача была дать психопатологический анализ личности Лермонтова и Маяковского.

Ни тот, ни другой поэт не страдали психическими заболеваниями, но имели значительные личностные отклонения от нормы.

А что такое психическая норма? Ю. А. Александровский пишет: «Говорить о какой-то четкой психической норме, свойственной некоему среднему человеку, очень сложно, и, вероятно, невозможно..., здоровым принято считать человека, у которого гармонично развиваются потенциальные физические и творческие силы, делающие его зрелым, работоспособным и активным членом общества». Если счесть средней нормой не усредненную, а умственно и творчески развитую личность, то так называемая «нормальность» – не что, иное, как легкая форма слабоумия.

Сколько в окружающем нас мире видим мы чудаковатых, странных людей, манерно-вычурных оригиналов, взбалмошных, «полоумных», «шизанутых». Это не потенциальные пациенты психиатрических больниц, но они проявляют несомненную склонность к аффективной неустойчивости и истероидному поведению. Иметь дело с такими людьми тяжело, но без них мир был бы бесцветно-ординарен. Они не дают нам соскучиться. Безумства и чудачества гениальных людей бесчисленное количество раз описаны в литературе.

Я не буду подробно останавливаться на родственных связях между гениальностью и безумием. Можно обратиться к трудам Ч. Ломброзо и его последователей, но вспомним, что еще Платон называл творчество «бредом, даруемым нам богами».

Что же, из-за того, что Чехов пытался шляпой ловить солнечный луч и надеть себе его на голову вместе со шляпой, или, что Толстой разговаривал с ящерицами, или Лесков прислушивался к звуку падающей на фарфор ваты, как описывает это М. Горький, считать их безумными?

Профессор М.Е. Бурно пишет: «Не разлюбим тех, кого полюбили, если узнаем подробно их душевный склад, потому, что любой не слабоумный не разрушившийся личностно человек бездонен – неповторим, таинс-

твенно сложен своей душевной, духовной особенностью под знаком какого-то характера».

Почему мой выбор врача-психиатра пал на исследование психопатологии писателей и поэтов?

Э. Кречмер пишет, что «в исследованиях гениальности предпочтение всегда отдается поэтам и вообще литературно-продуктивным людям, а это объясняется не их духовным превосходством над другими группами творцов, а очевидным специфическим богатством, сохраняющихся во времени оригинальных психологических документов, дающих нам в руки прямые и косвенные самовыражения поэта, у которого манера письма намного более субъективно связана с личностью автора, чем у ученого, и намного легче трактуема, чем выразительные средства художника или музыканта».

Еще раньше Э. Кречмера эту же мысль высказал известный русский психиатр, приват-доцент Казанского университета Б. И. Воротынский в публичной лекции 31 июля 1898 года, читанной в г. Тобольске: «...существует мнение, что выдающиеся мыслители, великие писатели и художники нередко изучают свои собственные страсти и недостатки, чтобы затем рельефнее их изобразить, ярче представить в своих произведениях».

А. П. Чехов по этому же поводу очень образно и ярко заметил: «Настоящий писатель – это то же, что древний пророк – он видит яснее, чем обычные люди».

А как же быть психиатру?

С одной стороны чрезвычайно интимные, иногда неприглядно-темные стороны жизни гения, обнаруживая которые можно стать клятвоступником, нарушившим клятву Гиппократова в врачебной тайне, с другой стороны, клинико-психопатологический анализ жизни и творчества гениев не может быть изолирован в торичеллевой пустоте, не может явиться предметом потребления, по выражению провизоров – рго те.

Диагностика психического заболевания при манифестных проявлениях болезни как будто не трудна – «чокнутый», «шизик», «крыша едет» – все эти банально-вульгарные обозначения краевой или ярко выраженной психической патологии заставляют думать, что любой человек может отделить психическую патологию от нормы.

Но это только на первый взгляд.

Истина же состоит в том, что определение диагноза психического заболевания – дело по меньшей мере многотрудное, а чаще и скорбное, иногда налагающее несмыслимую печать на дальнейшую жизнь и судьбу пациента. Здесь все важно – детство, привычки, поведение, сексуальная жизнь, отношение к близким, трудоспособность, армейская служба, вредные привычки и т. д. Так по «камушкам», да по «кирпичикам» собирает психиатр и фундамент, и все надстройки психиатрического диагноза.

При исследовании патологических отклонений личности великих, ныне покойных, литераторов мы лишены живого с ними общения.

Но нам остаются их биографии свидетельства современников и литературные произведения, в которых как через «магический кристалл» высвечиваются новые грани личности творца.

По-человечески понятно противостояние панегиристов и апологетов гения фактам, рисующим личность литератора в неприглядном свете. Они называют это «очернительством» памяти великого поэта или писателя. Известный психиатр, историк и публицист М. Буянов так пишет по этому поводу: «... Слово желая заглянуть свою вину перед гениями, униженными при жизни и доводимыми или доводящими себя до быстрой смерти, потомки хотят это забыть и обрушиваются на всякого, кто напоминает им о том, как несправедливо, немилосердно, придиричиво злобно они относились к живому гению, боготворя его после смерти».

Владислав Ходасевич, создавая литературный портрет Андрея Белого, писал тоже: «Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что они и безнравственны, потому, что только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было. Истина не может быть низкой, потому, что нет ничего выше истины».

Мой труд имеет следующую структуру: предисловие, первая и вторая часть, послесловие, краткий словарь психиатрических, медицинских и других терминов, содержание.

Первая часть – портреты. Это мои собственные патографические изыскания – портреты Радищева, Чаадаева, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Гаршина, Маяковского.

Вторая часть – эскизы. В нее включены работы, опубликованные в «Клиническом архиве гениальности и одаренности», – они касаются патографии Пушкина, Толстого, Горького. С любезного разрешения профессора М.Е. Бурно здесь же публикуется его статья о Чехове.

Предисловие и каждая глава первой части снабжены указателем цитированной литературы и персоналий.

Александр Радищев. Русский вольтерьянец и «царская водка»

Торжество разума в том и состоит, чтобы уживаться с людьми, не именующими его.

Вольтер

О чем думал Александр Радищев, глядя на бескрайние заснеженные поля Сибири? Путь до Илимского острога был холоден и бесконечен, как и его заледеневшие душа и мысли. Что виделось ему? Пажеский корпус, служба в Сенате или череда прелестниц, замороженных его прекрасными карими глазами? А может быть, ужас другого путешествия, за описание которого он сейчас так страшно расплачивается?

И невольно возникали страдальческие рифмы, под завывание степного ветра и метель, бьющую в окно арестантской кибитки.

Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду? –

Я то же, что и был, и буду весь мой век:

Не скот, не дерево, не раб, но человек!

Дорогу проложить, где не бывало следу,

Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах.

Чувствительным сердцам и истине я в страх

В острог Илимский еду.

Да, матушка – государыня Императрица Екатерина II постаралась до конца рассчитаться с распространителем «французской заразы» – идеями французских энциклопедистов, хотя и состояла в обстоятельной эпистолярной с Вольтером. Его знаменитый афоризм: «Благими намерениями устлана дорога в ад», как нельзя соответствует ситуации Пугачевского бунта и ада, творимого его разбойниками. А все ведь началось с благих попыток Екатерины внедрить идеи французских просветителей в русское общество.

Да не случилось. А случился «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», поставивший на грань краха царствование «сиятельной императрицы». А Радищев – «этот бунтовщик хуже Пугачева» посмел в своем памфлете обвинить матушку во всех смертных грехах и поставить под сомнение смысл ее царствования!

Да и сам эпиграф к возмутительной книге не мог не вызвать гнева императрицы. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя» – этот эпиграф был выбран Радищевым не случайно. В песне XVIII поэмы В.К.Тредиаковского «Телемахида» описано посещение Телемаком подземного царства Тартар, где подвергаются в наказание за свои злодеяния адским мучениям цари, «употреблявшие во зло свое на престолах могущество...».

Цари эти были гнуснее и страшнее, чем самые страшные чудовища мифологии, страшнее, чем адский пес Цербер – толстый, круглый (облый), озорной (большой), огромный, с тризвенной (три пасти) и лайя (лающей).

Именно это адское чудовище Радищев использовал как аллегорическое олицетворение царизма и даже усилил образ «чудища», снабдив его вместо трех – ста пастями. Схожий образ несколько раз используется Радищевым в самом «Путешествии» (например, в главе «Хотилово»: «стоглавое чудовище» – о крепостном рабстве; в оде «Вольность»: «И се чудовище ужасно, как гидра сто имея глав...» – о церкви); «Спасская Полесть» – злая уничтожающая критика царствования Екатерины II.

Как могла императрица и, прежде всего женщина, спокойно снести сравнение с толстой, злобной лающей собакой?

«Тщеславие доводило Екатерину, от природы умную женщину, до умопомрачения, делавшего ее игрушкой в руках ловких и даже глупых льстецов, умевших пользоваться ее слабостями,» - пишет В. О. Ключевс-

кий, – «и она не приказывала вытаскивать из своего кабинета министра, в глаза говорившего ей, что она премудрее самого господина Бога».

Расплата не замедлила явиться – 30 июня 1790 года за напечатание книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Сама же императрица писала в своих заметках на книге: «Сочинитель сей книги наполнен и заражен французскими заблуждениями, всячески ищет умалить почтение к власти».

На суде 24/VI – 1790 г. Радищев был психологически сломлен, он отрекся от своей книги, признал себя «преступным», а книгу «пагубной, наполненной гнусными, дерзкими и развратными выражениями», и что написал он ее «по сумасшествию».

Тем не менее, уголовный суд приговорил Радищева к смертной казни посредством отсечения головы. Екатерина, непонятно чем побуждаемая, но, изыскавшая глупейший повод, 4 сентября издала именной Указ Сенату: «Ввиду мира со Швецией, заменить казнь Радищеву десятилетней ссылкой в Илимский острог».

Что же предшествовало отречению Радищева от своего программного труда?

Да, видимо, то, что оно двигло несгибаемых большевиков-ленинцев Тухачевского, Уборевича, Якира на следствии 1937 года сговорить себя в связях с иностранными разведками – страх, страх за свою жизнь, заканчивающуюся в немислимых мучениях, за жизнь своих близких.

Двумястами годами раньше Радищев тоже перенес ужас заточения в Петропавловской крепости, но не самого по себе этого факта, а факта попадания в полную власть обер-секретаря тайной экспедиции С.И. Шешковского. Этот мозглявый старик с женоподобным, похожим на пухлый блин, безбровым лицом, с тонкой шеей, бугристым лбом, наливающимся в гнев кровью, наводил ужас на подсудимых, а особенно его толстая палка, намеренно выставляемая в углу напоказ, которой Шешковский одним ударом выбивал у заключенных все зубы.

И хотя к Радищеву в крепости никаких «пристрастных методов допроса» не применялось, но одно сознание того, что они в любой момент могут быть применены, повергало его в ужас и уныние. Ведь за 15 лет до этого «знатный кнутобоец», которому, по-видимому, не давали покоя лавры его далекого предшественника Малюты Скуратова, жег, резал и вздергивал на дыбу «разбойника» Пугачева, и Радищев знал об этом. Он, почти ежедневно в течение 2-х недель приводимый на допросы к Шешковскому, видел эту сучковатую палицу, стоявшую в углу допросной комнаты, с ужасом ожидая, что она в любой момент может быть пущена в ход.

В каком же трагическом состоянии находилась душа Радищева свидетельствует его письмо, написанное в крепости: «Тело и душа изнемогать начинают, надежда, сие усладительное чувствование, надежда видеть мое плачевное семейство начинает, постепенно исчезать в томном сердце и уже исчезла. Я чувствую, я один».

Такой мощный психологический гнет заставил этого душевно-мягкого человека, с задумчивым взглядом темных пронизательных глаз под удивленно выгнутыми бровями, человека нрава прямого и пылкого, умевшего сносить горести со стоической твердостью, чуждого лести, непоколебимого в дружбе и не помнящего зла, отречься от своего труда.

Сорок три дня провел он в крепости, ожидая казни, и в минуты отчаяния грыз свою серебряную ложку – на ней остались следы зубов.

При объявлении Радищеву приговора он потерял сознание, и окружающие увидели, как мгновенно его голова стала белой.

Но вернемся на несколько десятилетий назад.

Сын богатого помещика, бывший паж, получивший по воле императрицы высшее образование в Лейпцигском Университете, Радищев пренебрег служебным положением, благополучием и карьерой, явно не оправдав надежд, которые возлагал на него двор.

Прослужив недолго в Сенате, затем – в годы восстания Пугачева – в штабе Финляндской дивизии и, выйдя в 1775 году в отставку в чине секунд-майора, он в 1777 г. поступил ассессором на службу в Коммерц-коллегию, а в 1790 г. был назначен управляющим Петербургской таможенной. В период 1783–90 гг. длившийся 7 лет, началу которому послужила смерть горячо любимой жены А. В. Рубановской, Радищев пережил

глубокое душевное потрясение, это состояние нашло свое отражение в стихотворении «Эпитафия».

«О! если то не ложно, что мы по смерти будем жить;
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питаю
И дни, в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня; умру и горести забуду.
В объятиях твоих я паки счастлив буду,
Но если ж то мечте, что сердцу льстит маня
И ненавистный рок отъял тебя навеки
Тогда отрады нет, да льются слезы реки...
Тронись, любезная! Стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятиях твоих чад;
Не можешь, коль пройти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утешь тем супруга».

«Смерть жены моей погрузила меня в печаль и уныние и на время отвлекла разум мой от всякого упражненья», – вспоминает он семь лет спустя.

С этого времени мысли о смерти постоянно звучат в творчестве Радищева.

В «Путешествии» он пишет фактически программное заявление:

«... Если добродетели твоей убежища на земле не останется, если доведена до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, вспомни величество твое, восхити венец блаженства, его же объяти у тебя тещется – умри».

Тогда же у Радищева впервые появляются приступы какой-то болезни, преследующие его вплоть до смерти и сопровождающиеся пульсирующей головной болью, бледностью или покраснением лица, усиленным потоотделением, чувством дурноты, тошнотой.

Душевное состояние Радищева не могло быть незамеченным со стороны. Его друг и шеф граф А. Р. Воронцов в письме к своему брату Семену, русскому посланнику в Лондоне, с грустью писал: «... Я только, что потерял, правда, в гражданском смысле, человека (Радищева – курс мой В. Г.) пользовавшегося уважением двора и обладавшего наилучшими способностями для государственной службы... Кроме того, он исключительно замкнул последние семь или восемь лет».

Возможно, что личное горе заставило Радищева замкнуться и в полной отрешенности от всего написать дерзновенную, вольнолюбивую и человеческую книгу. Не было ли это проявлением некоей жизненной миссии, воплощаемой даже при условии, если ценой его подвигу будет жизнь?

Странно, что никто кроме Г. Шторма не обратил внимание на строки в конце второй главы «Путешествия»: «Отче всеблагий, неужели отвратишь взоры свои от скончающегося бедственное житие свое мужественно. Тебе, источник всех благ приносится сия жертва», – восклицает Путешественник, сие Радищев. Значит, Александр Николаевич предвидел ужасную расплату за свой труд, но, тем не менее, принес себя в жертву призрачным идеалам.

Но далеко не всем пришлось по душе книга Радищева. Даже через 34 года после смерти писателя в 1836 году наш великий А. Пушкин пишет уничтожающий биографический очерк об авторе «Путешествия». Среди современников Пушкина ходили слухи, что этот очерк был написан с целью возродить к жизни имя Радищева, которое находилось под запретом.

Может быть и так, но какой ценой?

Неужели и здесь толпачь на могиле писателя, следовало провозгласить, что цель оправдывает средства?

А. С. Пушкин считает книгу Радищева преступлением, это действие сумасшедшего: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!» И далее Пушкин пишет, что Радищев один, что у него нет ни товарищей, ни соумышленников, в случае неуспеха он один отвечает за все, он один представляется жертвой закону.

По словам А. Пушкина: «Радищев – сочинитель посредственной книги, написанной варварским слогом, жеманной, надутой, чрезвычайно смешной, набитой пошлостями; сочинитель, в котором отразилась вся французская философия его века, но так, как предметы в кривом зеркале; представитель полупросвещения, с невежественным презрением

ко всему прошедшему, с поверхностными сведениями наобум, приносивших по всему».

Жестоко, очень жестоко раскритиковал Радищева наш любимый поэт, фактически сбросив с пьедестала великого «вольтерьянца», хотя, как писал Пушкин «мы никогда его великим не считали».

Иное мнение было у современников Радищева – его учеников и последователей. Иван Пнин написал стихи на смерть Радищева, в которых он выразил безмерную скорбь: «Уста, что истину вещали, увь, навеки замолчали, и пламенный ума погас».

Иван Борн в открытом заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» прочел свои стихи и статью, посвященные памяти Радищева, в которых заявлял, что Радищев был «страдальцем правды» и утверждал, что в России «пьют патриоты смерти чашу», намекая на самоубийство писателя.

Может быть нам, воспитанникам советской эпохи, нужно иногда критически оценивать творчество великих, срывая с них навешенные коммунистической пропагандой ярлыки?

Ну, вот опять случилось так, что В. Ульянов (Ленин) в статье «О национальной гордости великороссов» причислил А.Н. Радищева к числу первых революционеров наряду с декабристами и революционерами-разночинцами 70-х годов XIX века, а Луначарский назвал Радищева «пророком и предтечей революции». Коммунистическая идеология во всю старалась наделять Радищева демонической сверхреволюционностью, жадной разрушения старого мира лютой ненавистью к поработителям народа. Но в действительности это далеко не так. Александр Николаевич был противоречивым человеком. Можно сказать, что он был первым диссидентом, прямо пошедшим против существующего строя.

Думаю, что А. Пушкин в той же статье высказал несправедливое суждение о том, что влияние Радищева было ничтожно, что все прочли его книгу и забыли ее. «Благоразумные мысли и благонамеренные предложения, изложенные в книге, принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в положениях, и нет истины, где нет любви» – так заканчивается статья.

Вернемся теперь к началу нашего повествования.

3 января 1792 г. А. Радищев прибывает в Илимск. Здесь он провел пять с половиной лет. Ведет активную жизнь – занимается врачебной практикой, делает операции, вводит оспопрививание. Написал философский трактат «Письма о китайском торге», и историко-биографический очерк «Слово о Ермаке». Освобожденный по указу Павла I из Илимской ссылки в 1796 г., Радищев возвращается в Россию к месту положенного ему проживания в родовое имение Немцово Калужской губернии.

По дороге домой в Тобольске 7 апреля 1797 умирает от пневмонии вторая жена Радищева Елизавета Рубановская.

Мать его троих детей и друг умирала тяжело, на глазах мужа, без надлежащего врачебного действия.

Физически и душевно измученный, находясь под тайным надзором полиции, Радищев так описывает свою жизнь того периода (письмо к А. Р. Воронцову 21 сентября 1797 года):

«... Согласитесь, что человек смешное, очень странное существо, он плачет утром, смеется вечером, хотя в положении его ничто не изменилось; иногда он и с места не двинулся, а сидит в своем кресле в колпаке и ночных туфлях. Да я был таков, каким только, что изобразил себя, плакал утром и смеялся вечером, как безумец, а меж тем я уже не смеялся – я разумею от веселия сердца – с Тобольска, со времени разлучения с моей доброй подругой, хотя я имею все основания на свете быть более веселым вследствие благости нашего всемиловитвейшего императора».

И далее в письме от 8 марта 1799 года Радищев так себя характеризует:

«Я весьма странное существо. Возвращенный домой из глубин Сибири, спокойный во всех отношениях, я толстел, дни мои начинались и кончались один, как другой, но разум мой был мертвенным, а угнетенная душа моя билась в своей стихии, как утопающий бьется в воде...»

Вот каков я был, вот каков я ныне: веселее, когда у меня больше огорчений, угрюмое, когда я слышю покой...»

15 марта 1801 г. Александр I издает Манифест, по которому освобождалось от наказаний 156 лиц, пострадавших в предыдущие два царствования.

В одном из списков наказанных значился и Радищев. Освободившись из ссылки в Немцове, писатель переезжает в Петербург, где определяется членом комиссии Сената по сочинению законов. Но ни один из законов, составленных Радищевым, не получил ни малейшего движения.

По свидетельству его сослуживца – Ильинского, Радищев неизменно был «мыслей вольных и на все взирал с критикой... при каждом заключении ... прилагал свое мнение основываясь единственно на философском свободомыслии».

2 сентября 1802 года, за 10 дней до смерти Радищева, граф Завадовский, непосредственный его начальник, шуточно намекнул писателю на «молодость его седин, и что «одной Сибири», видимо, мало». Это заявление Радищев воспринял, как решение вновь отправить его в ссылку.

В страшном смятении чувств Александр Николаевич возвращается домой, отчаяние и ужас переполняют его сердце. Он крайне напуган, мечется по комнатам, говорит, что «до него добираются». Несколько успокоившись, Радищев слег в постель. Старший сын свидетельствует: «Здоровье ему изменило, он стал чувствовать беспрестанно увеличивающуюся слабость... буквально таял на глазах, изнемогал, сделался, задумчив, стал беспрестанно тревожиться». Лечил его штаб-лекарь Придворной конюшенной конторы Иван Гейснер, труды которого остались напрасными. В ночь с 11 на 12 сентября Александр Николаевич неожиданно выпивает стакан «крепкой» водки, приготовленной его сыном для вытравливания старой золотой канители на эполетах и, говоря, что будет умирать долго и мучительно, хочет зарезаться бритвой, которую отнимает у него сын.

Покончил ли самоубийством Радищев или это можно считать несчастным случаем? Намеренно он принял яд (по одним источникам это была «крепкая водка» – селитряная азотная кислота, по другим – «царская водка» – смесь 1 части азотной кислоты с 3 частями соляной кислоты. «Царская» – растворяющая золото – «царь металлов») или ошибочно выпил этот стакан подумав, что в нем вода для запивания лекарств?

Официального медицинского заключения о смерти Радищева не сохранилось.

Но сыновья выдвинули версию о том, что отец был тяжело болен и умер от болезни. В записи о захоронении Радищева, говорится, что он умер естественной смертью, страдая чахоткою. То же самое сказано в официальной выписке о смерти Радищева, опубликованной в журнале «Литературный вестник» №6 за 1902 год. А как следовало поступить родственникам иначе? Ведь православная церковь считает самоубийство тяжким грехом, самоубийц тогда не разрешали хоронить на кладбище, а только за оградой. Могли ли сыновья объявить правду о смерти отца, кроме того с риском бросить тень и на свою карьеру? Но тайна есть тайна, теперь уже истину не восстановишь!

Первым версию о самоубийстве Радищева выдвинул А.Пушкин в том гнусном биографическом очерке, о котором речь шла выше. С его легкой руки большевики, придя к власти в России, захлебывались от восторга, обвиняли царизм в смерти писателя-революционера. Некоторые советские исследователи полагали, что Радищев в начале XIX века перенес духовный кризис, связанный с крахом буржуазной революционной идеологии после падения якобинской диктатуры. Осудив диктатуру Робеспьера и отойдя от идей народной революции, писатель-демократ не пожелал быть участником того либерального обмана, который развертывался на его глазах после воцарения Александра I, и покончил жизнь самоубийством в 1802 году» (Е. Г. Плимак цит. по Д. Бабкину).

Вот вам нате!

Сбылось пророчество Радищева в найденной после его смерти записке: «Потомство отомстит за меня». Сбылось, но с такой разрушительной силой, с таким крушением надежд зарождавшейся в России демократии,

что писатель-революционер, был бы он жив, мог написать еще один памфлет, за который потомство могло расписаться с ним ГУЛАГОМ, по сравнению с которым Илимский острог – это, по существу, санаторий ЦК КПСС.

А где же страдающий, измученный телесным и душевным недугом человек с его горестями, надеждами, просто человеческой слабостью?

Но, как и все 80 лет царствования большевиков идеология подменяла собой все стороны общественной и человеческой жизни.

Пожалуй, единственный из хора коммунистических историков и литературоведов Д.Бабкин связал трагическую кончину Радищева с его длительным и тяжелым телесным недугом. Хотя и здесь не обошлось без оговорок, о том, что здоровье писателя было подорвано «бесчеловечной политикой царского самодержавия».

Так страдал ли А. Н. Радищев душевной болезнью?

Да, по видимому страдал. Не будем вдаваться в тонкости нозологические, зачем это нужно, да и никому неинтересно. Но синдромология четко и ясно определяет депрессивный характер переживаний писателя.

Первый депрессивный период возник после смерти первой жены Радищева, и длился без малого семь лет (1783–1790 гг.). Об этом ярко и убедительно свидетельствует творчество Радищева, его письма, воспоминания современников.

С этого же времени, появляются пароксизмы, которые на языке современной психиатрии можно было бы назвать дизэнцефальными кризами. Эти состояния преследовали писателя до самой смерти.

Второй период, или, если хотите, аффективный кризис, наблюдается у Радищева в период нахождения в Петропавловской крепости (30 июня – 8 сентября 1790 г.). Аффекты отчаяния, безысходности, страха, ужаса перед неминуемой смертью, доходящие до состояния раптуса, обмороки, внезапная седина – яркие и потрясающие воображение картины.

Третий депрессивный период длится в течение 4 лет – период возвращения из Илимской ссылки вплоть до переезда в Петербург и возобновления государственной службы (1797–1801 гг.). В этот период Радищева не оставляют дизэнцефальные кризы.

Четвертый депрессивный период, самый короткий, длится около года с 1801 по 12 сентября 1802 года. Несмотря на активную законотворческую деятельность, общение с друзьями по «Вольному обществу», продолжение творческой работы, фон настроения Радищева остается сниженным, по всей видимости из-за нарастающего соматического неблагополучия. Беседа с графом Завадовским за 10 дней до смерти вызвала аффективную паранойальную реакцию со сверхценными идеями преследования.

На фоне нарастающего соматического неблагополучия в ночь на 12 сентября возник «*gartus melancholicus*» – взрыв тоски, повлекший принятие яда («царской водки»), а сознание тяжелых предсмертных мук для облегчения страданий – и попытку зарезаться.

Иного, учитывая клинические показатели болезни Радищева, ожидать и не следовало, ведь через все 19 лет своей болезни Радищев пронес мысль о самоубийстве, которая не оставляла его и даже в межприступные периоды.

А. Н. Радищев оставил в памяти потомков восхищение своим патриотизмом, ненавистью к рабству и угнетению, он до конца исповедовал свои принципы и даже в минуты человеческой слабости, оставался верен своим высоким идеалам.

Прав был И. С. Тургенев говоря: «В человеческой жизни есть мгновения перелома, мгновения, в которые прошедшее умирает и зарождается нечто новое».

Это в полной мере относится к А. Н. Радищеву – писателю и человеку.